

СВЕДЕНИЯ ЕВРОПЕЙЦЕВ XV — НАЧАЛА XVIII в. ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КУЛЬТУР ТЮРКСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ НОМАДОВ В ЗАПАДНОЙ И ЮЖНОЙ СИБИРИ¹

А.Ю. Борисенко, Ю.С. Худяков

Рассматриваются содержащиеся в сочинениях европейцев, проявивших интерес к региону Северной Азии в течение эпохи позднего средневековья и начале нового времени, сведения о традиционных культурах тюркских и монгольских кочевых народов на территории Западной и Южной Сибири. Европейцев привлекали в Северную Азию перспективы развития пушной торговли и поиски новых торговых путей в Китай и Индию. В их сочинениях можно найти некоторые данные о хозяйственных занятиях, материальной и духовной культуре, военном деле тюркских и монгольских народов. Первоначально сведения о сибирских этносах собирали участники дипломатических миссий разных европейских стран в Москве, в дальнейшем — более достоверные — европейцы, находившиеся на российской службе в Северной Азии. Самая ценная информация о культурах тюркских и монгольских народов Сибири представлена в трудах участников первой научной экспедиции начала XVIII в. Сведения европейцев служат важным дополнением к русским письменным источникам и этнографическим материалам об особенностях культуры кочевых этносов, населявших северные районы Центральной Азии.

Западная и Южная Сибирь, татары, западные монголы, русские, европейцы, сведения, особенности традиционной культуры.

В периоды позднего средневековья и начала нового времени в странах Западной Европы возрос интерес к Северной Азии, обусловленный поиском новых торговых путей в Китай и Индию. Значительное внимание европейцев привлекали перспективы развития торговли пушной и некоторые необычные особенности культур северных сибирских народов, о которых они узнавали во время поездок в Московию. В то же время сочинения европейцев содержат некоторые сведения об особенностях культур кочевых скотоводческих тюркских и монгольских этносов, населявших степные и лесостепные районы Западной и Южной Сибири и контактировавших с русскими людьми, осваивавшими сибирские земли с конца XVI в. Работы европейских авторов включают материалы о хозяйственных занятиях, материальной и духовной культуре и военном деле кочевых народов. Эти данные должны представлять для современных исследователей не только историографический, но источниковедческий научный интерес. Информацию европейские авторы могли получать не только от русских людей, побывавших в Сибири, но и от отдельных представителей татарской правящей элиты, проживавших в Московии. Некоторые европейцы были знакомы с сочинениями русских о северных сибирских народах.

Отдельные сведения о сибирских, вероятно, тюркских народах были собраны европейцами еще до присоединения западных районов Сибири к Московскому царству.

В числе ранних свидетельств европейцев о некоторых особенностях культуры сибирских тюркских этносов имеется описание баварского ландскнехта И. Шильтбергера, оказавшегося в Сибири в составе войска татарского военачальника Едигея в начале XV в. Во время своего пребывания в сибирских землях он обратил внимание на некоторые обычаи местных «уйгуров», которых он считал христианами. Его очень удивил обычай, согласно которому в случае смерти неженатого молодого человека «на умершего надевают лучшее платье» и устраивают праздничный обряд, символизирующий свадьбу умершего [Алексеев, 1941, с. 53]. Мог ли он встретить уйгуров и в каких именно сибирских землях или описал обычай какого-то другого народа, сказать сложно. В его сочинении имеются фантастические описания диких людей, населявших северные районы Сибири [Демин, 1995, с. 54].

В «Хронике Констанцкого собора» 1418 г. У. Рихенталя говорится о некоем «царстве», перешедшем «в руки одной старой вдовы», которая «дала этой земле всяческие достоинства».

¹ Работа выполнена по проекту РГНФ № 13-01-00049 «Воины сибирских народов на российской службе в Сибири в XVII–XVIII вв.».

Жители этого царства поклоняются идолу «Золотой старой бабе» [Бегунов, 1976, с. 122]. Изображения этого идола, которому, по представлениям европейцев, поклонялись жители Зауралья, приведены в труде М.П. Алексеева [1941, с. 118, рис. 16].

В XVI в. отдельные упоминания о сибирских этносах, среди которых иногда называются татары, населявшие степные районы Западной Сибири, встречаются в сочинениях некоторых европейских дипломатов, приезжавших в Москву. Среди сведений о Сибири, полученных из «Русского дорожника» и содержащихся в сочинении посланника императора Священной Римской империи Максимилиана I, барона С. Герберштейна, дважды посетившего Москву в первой трети XVI в., упомянут сибирский город Тюмень, которым, по его данным, управляют «князья Югорские», а также описан характер «немой торговли» с северными племенами [Алексеев, 1941, с. 105–106]. В Москве имперский посланник познакомился с одним из сыновей казанского хана Ибрагима, Федором Мелехдаировичем и от него мог узнать об отношениях русских с казанскими и крымскими татарами [Хорошкевич, 2000, с. 138]. В сочинении венецианского посланника М. Фоскарино, побывавшего в Москве в 1537 г., есть краткие упоминания о ногайских и джугатайских «татарах», чьи владения, по мнению комментатора, простирались до Урала и Западной Сибири [2009, с. 29, 44]. В записках участника другого посольства, дипломата из Священной Римской империи Д. Принтца, побывавшего в Москве в 1577 г., говорится о варварских племенах Сибири, которые занимаются «одной только охотой, они добывают диких зверей посредством метательных копий, и в этом искусстве так опытные, что очень редко промахиваются» [Алексеев, 1941, с. 150]. В сочинении бывшего опричника, немца Г. Штадена, написанном в 1577–1578 гг., говорится, что «некоторые торговые люди из Сибири», привозившие на продажу пушнину, «были убиты, а их соболи удержаны в казне великого князя» [2005, с. 471]. В письме 1578 г. пфальцграфа Георга Ганса гроссмейстеру Тевтонского ордена Генриху V фон Бобенгаузену упоминаются некие «сибирцы», которые живут на р. Оби, а между Сибирью и Московией «ведется соболиный торг» [Алексеев, 1941, с. 161].

Судя по имеющимся материалам, сведения о культуре тюркских и монгольских народов Сибири, дошедшие до европейцев в течение рассмотренного периода, носили отрывочный, несистематический характер.

Значительно более информативны сведения о кочевых этносах, полученные со времени начала присоединения Сибирского региона к Российскому государству.

Согласно сведениям русских сибирских летописей, в казачий отряд атамана Ермака, совершившего поход в Сибирь в 1580 г., купцы Строгановы включили триста человек «немец и литвы» из числа военнопленных с Ливонской войны [Алексеев, 1941, с. 49]. Со времени начала освоения Западной Сибири русские люди и европейцы, находившиеся на российской службе, стали получать значительно больше достоверных материалов о культуре сибирских татар и других тюркских и монгольских народов этого региона. Важным источником информации могли быть представители татарской правящей элиты, перешедшие на службу к московскому царю.

Участником датского посольства А. Гюльденстиерне во время приема царем Борисом Годуновым посла датского короля Христиана IV, герцога Ганса Шлезвиг-Гольштейнского, в 1602 г. отмечено, что в свите царя был «один татарский король, поддавшийся несколько лет тому назад русскому царю со всей своей страной» [Гюльденстиерне, 2009, с. 101].

После завершения длительной, разорительной Смуты и интервенции в Московском царстве и закрепощения крестьян из-за острой нехватки людей царские власти стали активно привлекать для службы в Сибири иностранцев, в том числе военных специалистов из европейских стран. Некоторые из них оставили сочинения, в которых описали особенности культуры тюркских и монгольских кочевников.

В сочинении посланника императора Священной Римской империи Леопольда I, барона А. Мейерберга, побывавшего в Москве в 1661–1663 гг., говорится, что «природные жители» Сибири, татары, являются, по его данным, «идолопоклонниками». Они говорят «собственным наречием, и даже до сих пор не знают употребления хлеба» [Алексеев, 1941, с. 323].

Ценные сведения о сибирских татарах содержат записки одного из немецких офицеров, имя которого осталось неизвестным, приехавшего в Сибирь в 1666 г. в составе группы европейских военных специалистов под руководством полковника Г. фон Эграта для военной подготовки полков «нового строя» [Дмитриев, 2008, с. 67–68]. В этом сочинении указано, что в Сибири проживает много татар. Ранее, 95 лет назад, «это была их собственная страна; они имели также своего собственного царя», развалины «резиденции» которого, а также крепости, где жили

«два мурзы или князя», находятся на месте Тобольска и его окрестностей, «там видны еще рвы и валы вокруг их жилищ». Потомок татарского правителя «царевич» до 60-х гг. XVII в. «объявляет себя врагом и ни под каким видом не хочет вступать в подданство русскому царю». Он укрывается в степи, а также в горах и ущельях. Татарский «царевич» «имеет при себе немного людей, именно башкиров, и, тем не менее, каждый год, примерно во время жатвы, делает он набеги на границы, в Сибири. Там, где он в состоянии это сделать, уводит он много людей и скота». При этом «догнать его невозможно, так как степь чрезвычайно широка». Если же российские воины «нападают на его след, он останавливается за ветром и зажигает огнем степь позади себя, и так безопасно уходит» [Алексеев, 1941, с. 347–348]. По мнению автора записок, сибирские татары покорились «отцу [нынешнего] русского царя». Автор считал, что татары «не знают бога и его заповедей» и не имеют «ни церквей, ни [молитвенных] собраний» [Там же, с. 360]. Вероятно, он имел в виду, что они не являются христианами.

Автор данного сочинения описал некоторые черты культуры живших в Тобольске бухарцев, а также привел свои соображения о западных монголах — джунгарах, ойратах или калмыках. Он отметил особенности прически западных монголов: выбривают волосы на голове, оставляя небольшой кружок волос на темени, которые заплетают в косы, свисающие на спину, носят усы, но бреют бороды. В ушах они носят «большие серебряные кольца», украшенные «большим красным кораллом». Из одежды и обуви автор выделил овчинные тулупы и сапоги. Джунгары «со своими луками [и стрелами] обращаются... очень ловко и могут, особенно на лошади, на полном скаку очень метко стрелять». По мнению автора сочинения, «калмыки не имеют никакой веры, мало знают о боге, являются язычниками». Однако он указал на их «главного священника» Далай-Ламу, которого они почитают «как бога и верят в то, что он семь раз рождается вновь» [Алексеев, 1941, с. 355–356]. По оценке этого офицера, джунгарские правители могут в течение двух суток собрать армию численностью от восьмидесяти до ста тысяч воинов, при этом каждый князь «должен появиться со столькими тысячами людей, со сколькими ему полагается, и представиться» правителю. Однако прежде чем выступить в поход джунгарский правитель — хунтайджи отправляется и спрашивает Далай-Ламу, будет ли удачным поход [Там же, с. 357]. Автор сочинения оценил джунгаров, которые «являются быстрым и опасным врагом», хотя они «не употребляют другого оружия, кроме лука и стрел; самые знатные из них, однако, имеют также сабли. Их стрелы имеют широкий и острый железный наконечник, они умеют метко стрелять на полном скаку». В боях с противником они, «подобно башкирам и татарам, с яростью насканивают на своего врага безо всякого порядка» [Там же, с. 358–359]. Описывая погребальные обряды джунгар, автор указал, что трупы своих погибших воинов они бросают в воду или болото, а тела военачальников и храбрых героев сжигают «в пепел, раздробляют кости, смешивают или замешивают их вместе с глиной и делают из этого изображение, которое они почитают священным» [Там же, с. 359].

Среди тюркских народов упомянуты также кыргызы, во главе которых находится «Алтын-царь». Они «природные язычники», одевающиеся в меховые одежды, а их женщины носят на голове «украшение из древесной коры» [Алексеев, 1941, с. 362]. Вероятно, автор имел в виду енисейских кыргызов.

Среди европейских офицеров, приехавших в Сибирь в составе группы военных инструкторов во главе с полковником Г. фон Эгратом, был бывший шведский капитан А. Доббин, который прослужил в этом регионе 17 лет и оставил воспоминания. Он отметил, что сибирские татары являются мусульманами, «имеют свое письмо», занимаются земледелием и скотоводством. По его мнению, кыргызы «молятся своим лукам и оружию». Они очень привычны к войне. Имеют свои «жилища на скалах и утесах» [Алексеев, 1941, с. 393–394]. Вероятно, им описаны енисейские кыргызы, которые отличались воинственностью, а под жилищами следует понимать нагорные крепости. На сведения, собранные А. Доббином, ссылался в своем сочинении И.А. Бранд, один из членов посольства курфюршества Бранденбург в Москву в 1673 г. В нем описана охота на соболей, торговля мехами и уплата ясака сибирскими язычниками [Там же, с. 403].

В сочинении голштинского купца, возглавлявшего российское посольство в Китай в 1692–1695 гг., Э.И. Идеса говорится, что часть населения городов Тюмени и Тобольска составляли татары, исповедующие ислам. Русские жители испытывали большой страх перед «татарами калмыцкой и казахской орды», которые в конце XVII в. совершали опустошительные набеги на российские владения в Западной Сибири и «угрожали самой Тюмени». С помощью подкреплений, пришедших из Тобольска и других городов, удалось заставить этих «кочевых татар отсту-

пить с большими потерями». Согласно его мнению, джунгары и казахи, совершавшие набеги на российские владения в Сибири, подчинялись правителю Бухары Тести-хану. Помимо них на российские владения в Сибири «много набегов производят и уфимские и башкирские татары». Автор кратко изложил события похода Ермака в Сибирь, в ходе которого ему противостоял «татарский князь» Алтынай Кучумович, потомки которого жили в Москве до конца XVII в. Он описал и религиозные обряды татар-мусульман [Идес, Бранд, 1967, с. 79–80, 82–84].

С конца XVII — начала XVIII в. сбором сведений о Сибирском регионе и культуре сибирских народов стали активно заниматься ученые, работавшие в своих странах и приглашенные для проведения научных исследований в Россию. Обширные и разнообразные сведения о Сибири, населяющие ее народы и сибирских древностях удалось собрать с помощью своих корреспондентов в России голландскому коммерсанту, администратору и ученому Н.К. Витсену, в молодости приезжавшему в Москву в составе голландского посольства [Витсен, 2010, с. 783–784, 929–957]. Вероятно, часть этих сведений были получены им от думного дьяка Сибирского приказа А.А. Винуса [Юркин, 2007, с. 405–416]. В его сочинении довольно основательно описаны события похода казачьего отряда под предводительством атамана Ермака в Сибирь. Некоторые приведенные в книге Н.К. Витсена подробности этого похода отличаются от данных русских сибирских летописей. Вероятно, они были получены из других источников. Военачальник, возглавлявший войско сибирских татар в боях с казаками на подступах к столице Сибирского ханства, назван Канчеем. Описаны некоторые приемы стрельбы, применявшиеся казаками в боях с сибирскими татарами. По приказу атамана казаки в первом бою заряжали ружья одними пыжами, зато в следующем бою — «четырёхугольными кусками железа и пулями», благодаря чему противнику был нанесен большой урон. В решающем бою атаман «приказал стрелять только одной половине казаков, а другая должна была только заряжать ружья», в результате чего стрельба велась непрерывно. Н.К. Витсен отметил, что в распоряжении хана Кучума были две «литые железные пушки», из которых татары «не могли сделать ни одного выстрела, поэтому с проклятиями он велел сбросить их вниз в Иртыш». Согласно сведениям голландского ученого, Ермак «позволил вытащить из реки одну из пушек и снова привезти в город, где она и стоит до настоящего времени» [Зиннер, 1968, с. 18–20].

Н.К. Витсен описал гибель Ермака, который во время ночного нападения татар «спрыгнул с высокого берега», но попал в воду «на глубоком месте, имея на себе два панциря, а сверх того еще железные нарукавники, как камень погрузился на дно и самым жалким образом погиб». После гибели Ермака казаки, по сведениям, приведенным Н.К. Витсеном, выбрали атаманом Грозу Ивановича, совершившего поход на городище Абалак, «где еще держался Кучум». Хан отправил против казаков татарское войско, во главе которого поставил своего шурина Ики Ирку, но оно потерпело поражение. Кучум бежал со своей семьей к «калмыцкому хану Абдар-Тайше, который приходился ему дядей». В последующие годы, надеясь «возвратить себе царство, сыновья и сам Кучум много раз нападали на русских, но с божьей помощью всегда были разбиваемы» [Зиннер, 1968, с. 22].

Описывая современное ему состояние Сибири, Н.К. Витсен утверждал, что обитавшие вокруг города Верхотурье «коренные обитатели страны в большинстве случаев приняли русский образ жизни как в одежде, языке, так и в жилье, но не в богослужении, поскольку многие из них еще остались язычниками» [Зиннер, 1968, с. 24]. В другом месте он называет татар среди тех сибирских и уральских народностей, которые должны платить ясак соболями в царскую казну. Охотники убивают соболей «деревянными тупыми стрелами и палочками» [Там же, с. 27–28]. Среди приобретенных Н.К. Витсеном сибирских древностей есть детали парадного пояса, который должен относиться к культуре джунгаров [Борисенко, Худяков, 1999, с. 170–172].

В конце XVII — начале XVIII в. по приглашению царского правительства в России работал англичанин Д. Перри, в сочинении которого имеются сведения по истории присоединения Сибири и об отношениях между русским населением и тюркскими и монгольскими народами. Он утверждал, что Сибирь была завоевана под руководством русского купца Строганова, который составил «план завоевания Сибири», после чего «добыл у царя войска, среди них несколько донских казаков, и меньше чем за два года завоевал страну». В ходе военных действий сибирский правитель, которого автор назвал «королем», был «убит в этом деле, а сыновья его со многими пленниками были доставлены в Москву». По данным Д. Перри, «потомок этой фамилии (известный под титулом сибирского царевича или принца) теперь живет в Москве, где он владеет поместьем, содержащим четыре или пять деревень, пожалованных ему для доставле-

ния средств к существованию в соответствии его персоне, и живет он в хорошем уважении со стороны царя и знати». По сведениям автора, «русские обитатели» поддреживают «постоянное общение и доброе согласие» с монголами, другими монгольскими и тунгусскими народами, а также с «узбекскими татарами, населяющими юг Сибири до самых границ Китая» [Зиннер, 1968, с. 42–43]. Данный автор один из немногих, кто, говоря о присоединении Сибири, не упоминает об атамане Ермаке, а приписывает заслугу освоения этого края исключительно купцу Строганову. Возможно, что он получил такую трактовку событий от его потомков.

Значительно более подробно изложил события присоединения Сибири другой англичанин, приглашенный на службу в Россию, Д. Белл, совершивший в 1718 г. поездку в составе российского посольства через Сибирь в Китай. Он довольно подробно описал поход казачьего отряда под командованием атамана Ермака в Сибирь. По его сведениям, ранее Ермак разбойничал «по большим дорогам». При этом он грабил только богатых, и «по необыкновенному великодушью людей его ремесла, наделял бедняков». Потом атаман разбойничал на Волге и Каспийском море, где прожил несколько лет в Персии. Стараясь уйти от преследования со стороны московских властей, он ушел через Уральские горы в Сибирь. «Татарский хан, утрашась его прибытия, собрал многочисленное войско из конных и пеших, вооруженное луками, стрелами, копьями и другими подобными оружиями». Он имел «многие стычки» с татарами, в которых «побивал многое их число огнестрельным своим оружием, какого татары еще не знали». Д. Белл сравнил сибирских татар с американскими индейцами «при вступлении испанцев в Америку, на которую во многом походит Сибирь». По версии Д. Белла, поняв, что он не сможет удержать Сибирь, Ермак сам приехал в Москву, где получил прощение от царя и «потребовал части войск». Царь простил атамана и «распорядился снабдить его войсками». Когда он снова пришел в Сибирь, его встретили «толпы вооруженных татар» и множество лодок с воинами, на одной из которых был татарский хан. Ермак одержал победу, однако, когда на лодке догнал судно, на котором был татарский хан, атаман захотел «перескочить с одной лодки на другую, но при этом случае упал он в воду и утонул». Несмотря на его гибель, «россияне одержали тогда полную победу», а «храбрый татарский хан и сам лишился жизни в этой схватке». В то же время сын хана и «прочие родственники были отосланы в Москву, где царь принял их с честью и поступил с ними в соответствии с их саном. Ханскому сыну пожаловал он знатное владение в России, потомки его пользуются еще и ныне титулом сибирских царевичей» [Зиннер, 1968, с. 45–48].

Д. Белл отметил, что в Тобольске есть «множество» улиц, названных «Татарскими», заселенных «потомками древних жителей этих мест» — татарами. Они, так же как и в других местах, «имеют счастье свободно выполнять обряды своей религии и одарены привилегиями торговли» [Зиннер, 1968, с. 49]. В ходе расспросов барабинских татар Д. Белл записал легенду о том, что «Тамерлан, или Тимур-Ак-Сак, как они его кличут, имел много боевых стычек с калмыками, которых он тщетно пытался победить». Согласно его представлениям, среди «калмыков и других татар» до «сего времени» господствует обряд захоронения полководцев и знатных лиц в сопровождении вооружения, «любимых коней и слуг». Из таких могил бугровщики из Томска разграбили много драгоценностей, «иногда части рукояток мечей и доспехов», а также «седельные украшения и уздечки, и другую конскую сбрую». Он сам видел «различные части вооружения и другие курьезные вещи», в том числе изображение из бронзы «вооруженного человека верхом на коне» и золотые бляшки. По его мнению, эти вещи могли служить «для украшения колчанов и конской упряжи». На развалинах Семи Палат, приписанных автором Тамерлану или Чингис-хану, были найдены свитки с надписями, часть которых Д. Белл купил у одного солдата и увез в Англию [Там же, с. 50–51]. В дальнейшем было установлено, что эти археологические находки относятся к эпохе раннего средневековья [Борисенко, Худяков, 2005, с. 111–112]. Однако рукописные религиозные тексты действительно были обнаружены на развалинах джунгарских ламаистских монастырей в Прииртышье [Княжецкая, 1989, с. 28–30].

В сочинении некоего Бентинка, в котором собраны воспоминания шведских пленников, находившихся в Сибири, говорится о грабительских раскопках «во многих местах Татарии, у границ Сибири», захоронений с лошадьми. Пленные шведы вместе с русскими «ходили группами раскапывать могилы». Калмыки воспринимали это «как святотатство и убивали тех грабителей гробниц». По его мнению, существенное отличие «теперешних татар» от прежних заключается в том, что вместо золотых и серебряных сосудов и других вещей они помещают в могилы с умершими родственниками деревянные миски и предметы «другой домашней утвари неболь-

шой ценности». Автор отметил, что эти народы «ведут свое происхождение от Турка» и раньше назывались турками, пока «постепенно не утратили это название, заменив его названием татары», которое они якобы взяли от «Татар-хана» [Зиннер, 1968, с. 87–88].

В записках Брауншвейг-Люнебургского резидента в Москве Вебера приведено описание «барабинцев». Автор считал их калмыцким племенем, которое возглавляли тайши. Они являются двоedanцами, платят подушную подать «русскому царю и Бустухану». Их одежда, мужская и женская, подобна монгольской и калмыцкой. «Оружие их, как у всех татар,— лук и стрелы». Они разводят много скота, занимаются охотой и выращивают ячмень. При выходе на охоту они берут с собой деревянного идола — шайтана, которому поклоняются, везут на особых санях и приносят жертвы [Зиннер, 1968, с. 93–94].

В путевом дневнике принятого на российскую службу бывшего шведского инженер-лейтенанта Л. Ланге, принимавшего участие в российских дипломатических миссиях в Китай в 1717 и 1720 гг., содержатся материалы о некоторых сибирских народах [Батуева, 1995, с. 24]. В его сочинении имеется краткое описание сибирских татар — мусульман, живших между городами Тарой и Тобольском. По его наблюдениям, татары жили в юртах или жилищах, в которых держали и телят. «Их одежда мало чем отличается от русской». Татарские женщины носят кольца, продетые в уши и в нос [Зиннер, 1968, с. 107]. Помимо них описаны барабинские татары, являющиеся идолопоклонниками. Внутри своих жилищ они держат «вырезанного из дерева идола в форме человека». Этот шайтан «длиной примерно поллоктя и стоит в маленьком ящике, и одет в разные тряпки». Ему они «обещают шапку или воротник, если он поможет получить богатый улов на охоте». Барабинские татары «держат мало скота, за исключением лошадей, которые ходят по лесу и находят себе пищу под снегом». Одежда барабинских татар, а также «шапки и чулки состоят из сшитых вместе кусков меха». По предположению Л. Ланге, барабинские татары происходят от остяков [Там же, с. 108].

В 1725 г. в г. Нюрнберге была издана книга неизвестного автора «Наиновейшее государство Сибирь», в которой использованы материалы многих европейцев, в том числе шведских военнопленных. В этом сочинении упомянуты некоторые иностранцы, сосланные в Сибирь для ловли соболей, изложены сведения о походе Ермака, об управлении этим регионом А.А. Виниусом. При описании города Тобольска автором указано, что вокруг него проживает много татар и бухарцев. Кроме войск тобольского гарнизона «имеется еще несколько тысяч татар, которые в надлежащих случаях служат его величеству кавалерией» [Зиннер, 1968, с. 120].

На исходе второго десятилетия XVIII в. в Сибирь была послана первая российская научная экспедиция, возглавил ее приглашенный из Европы ученый Д.Г. Мессершмидт. Ряд ценных наблюдений был сделан им в отношении барабинских татар [Борисенко, 2011, с. 69–74]. Так, наименования татарских поселений — юртов носят имена старейшего, знатнейшего или богатейшего жителя. Некоторые поселения имеют два разных названия. Среди них выделяются зимние и летние поселения. Барабинцы выращивали овес и ячмень и занимались рыболовством [Messerschmidt, 1962, S. 56–57]. По сообщению исследователя, барабинские татары были двоedanцами. Они должны были платить дань российскому царю и калмыцкому тайше, по две шкуры красной лисицы. Ясак собирал князь барабинских татар. Д.Г. Мессершмидт отметил, что барабинские татары живут очень бедно. Их жилища представляют собой землянки с отверстием в крыше, через которое в течение дня проходит свет. В то же время он обратил внимание на обычай барабинских женщин носить серебряные кольца в носу. На поселения барабинских татар время от времени совершали набеги воины Казахской орды и угоняли их в плен. Видимо, казахи тоже попадали в плен, поскольку был обмен пленными [Ibid., S. 57–58]. В юрте Изенбек исследователем был описан обычай выставлять по случаю смерти хозяина жилища копье, украшенное матерчатыми тряпочками, скрепленными берестяной трубкой. Этот «шайтан» изображает «того, кто первым сошел с неба и сиял как солнце» [Ibid., S. 58–59].

По наблюдениям Д.Г. Мессершмидта, в религиозных верованиях барабинцы отличались от татар — мусульман. Он описал погребальный обряд и обычаи в юрте Куленба. Умершего хоронили в яме в земле, неподалеку от леса. «Без особенных церемоний туда опускается тело, вместе с умершим кладется его колчан, стрелы, лук, котел, меч и все его вещи. Убивают его лучшую лошадь и тоже кладут в могилу» [Messerschmidt, 1962, S. 59]. Судя по этим описаниям, для барабинских татар был характерен обряд ингумации, хоронили в сопровождении коня, с разнообразным инвентарем. Исследователя заинтересовали некоторые культовые предметы. Один из них — довольно большой барабан, который был зарисован художником экспедиции

К. Шульманом. Много позже этот рисунок был опубликован [Гнучева, 1940, с. 29]. Согласно объяснениям местных жителей, эти «идолы» не посвящены каким-либо определенным богам. Они принадлежали прежним насельникам данной местности и были восприняты в качестве своих объектов почитания. Местные жители знали о наличии великого бога, который создал небо и землю, и о том, что душа человека может быть здоровой или больной, в зависимости от образа жизни. Им было неизвестно, куда могут попасть после смерти души злых людей [Messerschmidt, 1962, S. 59]. В юрте Чупчи исследователь отметил жилища, сооруженные из жердей, склеенных клеем и соломой. Жилища в этом поселении располагались кругом, в то время как обычно они размещались в плане в форме звезды или отличались иной планировкой. Он описал музыкальный инструмент, похожий на гитару с тремя струнами, сплетенными из конских волос, под музыку которого занимались горловым пением [ibid., S. 62]. В юрте Чада художником К. Шульманом был скопирован рисунок идола, нанесенный на поверхность большого барабана. В этом поселении Д. Мессершмидту подарили фигурку «шайтана». Это очень удивило исследователя: в другом поселении ему отказались отдать и даже продать подобную фигурку, поскольку его владельцы опасались, что это может навлечь на них несчастье и даже смерть [ibid., S. 62]. В отношении захоронений: каждая семья из этого юрта имела свое место для погребения, хоронили умерших с конем и устанавливали столб над могилой. В юрте Чунгар местные жители сказали, что татары, живущие в долинах рек Тары и Ишима, называются «кунгурские» [ibid., S. 62].

В юрте Ренчинск Д.Г. Мессершмидт наблюдал поминальный обряд барабинских татар. В течение первой недели после смерти близкого человека его родственники должны были находиться в трауре и расцарапывать себе лица до крови [Messerschmidt, 1962, S. 65]. Исследователь и его спутники видели обряд «кормления» умершего, во время которого вдова привезла ему на санках сосуд, мешок с сухой крупой, рукавицы, шлем и топор [ibid., S. 65–66]. По наблюдениям в юрте Бочка описано детское захоронение. Поскольку это был грудной ребенок, у него не было зубов, он не сделал ничего дурного, гроб с его телом не захоронили в землю, а установили на поверхности возле столба. Ко времени экспедиции этот гроб стоял уже восемь лет и должен был стоять до того времени, пока не истлеет [ibid., S. 69].

Одежда и прическа барабинских татар, по определению Д.Г. Мессершмидта, — «калмакского типа». Мужчины носили длинные косы, круглые шапки с оторочкой и красными кистями из шелка или конских волос. Тулупы или куртки они надевали на голое тело, носили штаны. У женщин и девушек по две, четыре или восемь кос, высокие шапки на голове, которые обматывают куском белой ткани, надеты на голое тело тулупы или куртки, штаны. Они обматывают ноги тряпками и носят кожаные тапки. Дети летом ходят голышом, а зимой в тулупчиках [ibid., S. 66].

В юрте Аргалы участники экспедиции наблюдали шаманское камлание. Шаман сам пригласил их. Он держал в руках бубен, в который был вделан деревянный идол, «одетый в тряпье». Во время камлания шаман сел спиной к гостям. Он водил колотушкой по бубну и предложил Д.Г. Мессершмидту задать ему какой-либо вопрос. В дальнейшем шаман возбудился, стал кричать, подпрыгивать, хватать горящие угли, пришел в неистовство. После обряда он сделал гостю несколько предсказаний [Messerschmidt, 1962, S. 67].

Согласно представлениям татар из юрта Бочка, в прошлом они были одним народом с остяками и говорили на их языке, но со временем перешли на татарский язык. Часть из них пришли из Казахской орды, часть проживали на оз. Чаны. Чатские татары считали, что они происходят от хана Кучума, и причисляли себя к потомкам Чингис-хана.

В дальнейшем Д.Г. Мессершмидт получил некоторые сведения о погребальных одеждах сибирских татар от татарского муллы в г. Томске [Messerschmidt, 1962, S. 91–92]. В знак траура вдовы должны носить черную или белую одежду.

Участнику этой экспедиции Ф.И. Табберту удалось собрать некоторые сведения о происхождении тюркского населения долины р. Ки. По сведениям одного местного жителя, оно происходит от татар хана Кучума и казахов [Борисенко, 2012, с. 47].

В изданных на русском языке извлечениях из дневников Д.Г. Мессершмидта и Ф.И. Табберта содержатся ценные сведения о культуре разных групп коренного населения Южной Сибири [Мессершмидт, 2012]. Русские называют жителей долины Чулыма чулымскими татарами, другие племена — тутальцами или урянхаями, что означает «лесные жители». Однако сами себя они называют по своим родам. Именовывать их всех «Туталь» неправильно, поскольку это название только одного рода. Сами себя часть чулымцев называют также «калмак-ойротами», в то

время как русские и бухарцы именуют их просто «калмыками». Такое название характерно для «восточных татар» [Там же, с. 15]. Некий «знающий татарин» сообщил, что у «чулымских татар» в прошлом была «басурманская вера», но они ее утратили. Они были изгнаны с мест своего прежнего обитания киргизами [Там же, с. 19]. Проезжая по долине р. Сыда, Д.Г. Мессершмидт отметил, что в этой местности проживают аринцы, их «остались единицы», после того как произошла война между енисейскими кыргызами и халха-монголами, во главе которых был Алтанхан Лочжан. Помимо них в этом районе проживали «киштимцы» и тубинцы, «которых больше не осталось». Исследователь расспросил «этих татар, как они хоронят умерших. ...Аринцы, тубинцы и эзерцы кладут в могилу вместе с воином его оружие, а именно лук и стрелы и пр. Закаляется его лучшая лошадь, снимается с нее шкура, крепится вместе с головой на древко и устанавливается над могилой» [Там же, с. 26].

По представлениям местных, в прошлом Алтын-хан Лочжан имел ставку на р. Тесь. В Красноярске Д.Г. Мессершмидт записал со слов местных жителей некоторые сведения о джунгарах, их храмах на Иртыше и войнах с монголами [2012, с. 48].

Во время поездок по Минусинской котловине исследователи отметили некоторые монументальные памятники, почитаемые местными «татарами». Они осмотрели каменные изваяния в междуречье Июсов и в долине р. Уйбат, скульптуру «старого мужчины» на р. Тесь, на спине которой были буквы, почти стертые. Ее зарисовал К. Шульман. Ф.И. Табберт, осмотрев некоторые разграбленные могилы и обнаружив пепел, пришел к выводу, что «эти язычники умерших сжигали». Проводник сообщил, что многие предметы из могил «были повреждены огнем, расплавлены». Обряд кремации был характерен для енисейских кыргызов. Однако в некоторых могилах были найдены неповрежденные вещи, среди которых даже меховые шапки, сделанные «на татарский манер» [Мессершмидт, 2012, с. 21, 30, 32–33]. Обряд ингумации был присущ разным этническим группам кыштымов.

Д.Г. Мессершмидт и Ф.И. Табберт попытались проследить расселение татар по территории Сибири. Среди них они отметили все известные им тюркские племена и народы: башкир, Малую орду (вероятно, казахов младшего жуза), киргизов (казахов), брат-татар (бурят), тобольских и тарских татар (сибирских татар), чулымских и кистимских татар (чулымцев и кыштымов), качинских (качинцев), аринских (аринцев), камасинских (камасинцев), киргизских и сойотских «татар» (енисейских кыргызов и тувинцев). По мнению исследователей, «все эти народы понимают или говорят на татарском или тюркском языке» [Мессершмидт, 2012, с. 74].

В долине р. Кемчуг, в улусе Тейчко, Д.Г. Мессершмидт встретил «крещеных татар», которые «жили в своих юртах, но при этом строили русские амбары или кладовые из дерева» [Мессершмидт, 2012, с. 79]. Судя по этим наблюдениям, часть местного тюркоязычного населения к началу XVIII в. восприняла некоторые элементы русской материальной и духовной культуры. В улусе Сус-Урюп местный татарин принес музыкальный струнный инструмент «гажетан», вероятно «чатхан», и сыграл на нем. Он спел «на татарском языке свои героические гимны» [Там же, с. 93].

В окрестностях Кадата ученому рассказали легенду о двух камнях, установленных в честь знаменитых стрелков из лука. Один из них располагался «на западе, другой — на востоке. Установили их киргизы в память о знаменитом стрелке из лука, который не имел себе равных; лучшие татарские стрелки из лука упражнялись в стрельбе от одного камня к другому» [Мессершмидт, 2012, с. 101]. Исследователь упомянул о памятнике «Козен-кеш-таш» на р. Черный Июс, стоявшем «еще до киргизов, которые 30–40 лет тому назад были изгнаны русскими». По представлениям местных жителей, подобные памятники принадлежат неким «исполинам» [Там же, с. 108–109]. Осмотрена и описана каменная статуя «Кезен-кеш», которая стояла у дороги, лицом на юг. Она была вырублена из красного камня. В правой руке изображенный человек «держал чайную чашку, левой — ухватился за полу сюртука. Вокруг туловища он был опоясан, на поясе висели с двух сторон мешочки как кошелечки». Голова изваяния «была покрыта как бы чепцом, из-под которого видны уши». Усы были «похожи как у поляков, а борода на подбородке довольно длинная и густая». Д.Г. Мессершмидт считал, что статуя изображает китайца. Он отметил, что «кочующие татары очень чтят эту статую» и приносят ей «съестные припасы», а ее рот «был намазан маслом и блестел на солнце, как будто покрытый лаком» [Там же, с. 110]. Исследователь зарисовал эту скульптуру, сохранив ее облик для науки [Борисенко, Худяков, 2005, рис. 14]. Как было установлено учеными в XX в., статуя относится к культуре древних тюрок [Грязнов, Шнейдер, 1929, с. 86]. В «верхнем течении р. Бири, недалеко от Июс-Сагайских

юрт», ученый осмотрел «прекрасный монумент с неизвестной надписью». На нем выделялась «большая голова или лицо», а на поверхности «повсюду вырезанные бесформенные фигуры, но совсем не буквы» [Мессершмидт, 2012, с. 123]. Данная стела, представляющая собой изваяние окуневской культуры, была зарисована. В есь-тея-абаканских степях Д.Г. Мессершмидт осмотрел «очень знаменитую у этих народов статую куртуяк». На спине у антропоморфного изваяния была выделена коса, «подобные и сейчас по привычке носят калмыцкие и татарские женщины». Татары-язычники «сделали перед ней много поклонов, и каждый объехал вокруг нее по три раза, после такой церемонии они также перед ней или к пьедесталу на траву в качестве жертвоприношения положили еду». Согласно их объяснениям, эта Куртуяк была некогда знатной матроной и «Кайра-хан или всемогущий бог превратил ее в камень, поэтому с давних времен чтят ее память» [Там же, с. 132–133].

Ценные сведения о культуре коренного населения Западной и Южной Сибири содержатся в сочинении ближайшего помощника Д.Г. Мессершмидта, пленного шведского капитана, уже упоминавшегося Ф.И. Табберта, получившего после возвращения из плена дворянство и фамилию фон Страленберг. В 1730 г. он опубликовал свою книгу, в которой коснулся ряда вопросов традиционных культур и религий некоторых сибирских народов и привел изображения отдельных памятников Сибири. По поручению Д.Г. Мессершмидта он совершил несколько самостоятельных поездок. Как и многие европейцы, он интересовался языческими верованиями сибирских народов. Им были опубликованы рисунки шаманских бубнов, каменной скульптуры барана с р. Тубы и изваяния мужчины с сосудом в обеих руках с р. Тесь из Минусинской котловины [Strahlenberg, 1730, Tabl. V, VI, XII, XXI]. В дальнейшем эти материалы стали использоваться исследователями южно-сибирских древностей [Brentjies, Vasilievsky, 1989, S. 20–24]. По мнению этого участника экспедиции, стремление русского духовенства обратить в православие сибирских язычников, живущих «по лесам очень рассеяно», имело мало успеха. В то же время те из них, что «живут в русских деревнях среди русских, почти все крещены, говорят по-русски, и так, что их невозможно отличить от русских» [Зиннер, 1968, с. 134–135].

Материалы о культуре тюркских и монгольских народов, собранные европейцами в XV — начале XVIII в., стали основой для дальнейшего изучения традиционных культур тюркских и монгольских народов на территории Западной и Южной Сибири.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей: Введение, тексты и комментарий: XIII–XVII вв. Иркутск: ОГИЗ. Иркут. обл. изд-во, 1941. 612 с.
- Батуева Т.Б. Народы Сибири в трудах западноевропейских исследователей XVII–XIX вв. Улан-Удэ: БНЦ, 1995. 107 с.
- Бегунов Ю.К. Раннее немецкое известие о Золотой бабе // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1976. № 11. Вып. 3. С. 122–124.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Средневековые материалы в коллекции Н.К. Витзена из Сибири // Евразия: Культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 2: Горизонты Евразии. С. 168–173.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. Новосибирск: НГУ, 2005. 270 с.
- Борисенко А.Ю. Сведения о традиционной культуре татарского населения и археологических памятниках Барабинской лесостепи в дневниковых записках Д.Г. Мессершмидта // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 3: Археология и этнография. С. 69–74.
- Борисенко А.Ю. Изучение «татарских древностей» Д.Г. Мессершмидтом и Ф.И. Таббертом на пути от Тобольска до Абаканска (по материалам полевого дневника Д. Г. Мессершмидта за 1721 год) // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 3: Археология и этнография. С. 42–49.
- Витсен Н. Северная и Восточная Татария, включающая области, расположенные в северной и восточной части Европы и Азии. Амстердам: Pegasus, 2010. Т. II. С. 623–1225.
- Гнучева В.Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук СССР в XVIII и XIX вв. // Тр. архива АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. Вып. 4. 310 с.
- Гюльденстиерне А. Путешествие герцога Ганса Шлезвиг-Гольштинского в Россию // М. Фоскарино. Донесение о Московии; А. Гюльденстиерне. Путешествие герцога Ганса Шлезвиг-Гольштинского в Россию; Т. Смит. Путешествие и пребывание в России; Г. Паерле. Записки Георга Паерле. Рязань: Александрия, 2009. С. 85–156.
- Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р. Древние изваяния Минусинских степей // Материалы по этнографии. Л., 1929. Т. IV. Вып. 2. С. 63–93.

Сведения европейцев XV — начала XVIII в. об особенностях культур...

Демин М.А. Коренные народы Сибири в ранней русской историографии. СПб.; Барнаул: Изд-во БГПУ, 1995. 197 с.

Дмитриев А.В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск: НГУ, 2008. 240 с.

Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 247 с.

Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М.: Гл. ред. вост. лит., 1967.

Княжецкая Е.А. Новые сведения о об экспедиции И.М. Лихарева (1719–1720) // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1989. Вып. XXVI. С. 10–35.

Мессершмидт Д.Г. Дневники: Томск — Абакан — Красноярск: 1721–1722. Абакан: Кооператив «Журналист», 2012. 160 с.

Фоскарино М. Донесение о Московии // М. Фоскарино. Донесение о Московии; А. Гюльденстиерне. Путешествие Ганса Шлезвиг-Голштинского в Россию; Т. Смит. Путешествие и пребывание в России; Г. Паерле. Записки Георга Паерле. Рязань: Александрия, 2009. С. 9–80.

Хорошкевич А. Русь и русские в «Записках о Московии» // Сигизмунд Герберштейн — воин, государственный деятель, дипломат и миротворец. М.: Белые альвы; Билье: Хумар, 2000. С. 127–184.

Штаден Г. О Москве Ивана Грозного // Р. Гейденштейн. Записки о Московской войне (1578–1582); А. Шлихтинг. Новое известие о России времени Ивана Грозного; Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного. Рязань: Александрия, 2005. С. 379–526.

Юркин И.Н. Андрей Андреевич Виниус, 1641–1716. М.: Наука, 2007. 558 с.

Brentjes B., Vasilievsky R.S. Schamanenkrone und Weltenbaum. Kunst der Nomaden Nordasiens. Leipzig: VEB E.A. Seeman Verlag, 1989.

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien (1721–1727). Berlin: Akademie Verlag, 1962. Th. I. 379 S.

Strahlenberg F.I. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stokholm: Der Berlegung des Autors, 1730.

Новосибирский государственный университет

aborisenko2@mail.ru

Новосибирск, ИАЭТ СО РАН

khudjakov@mail.ru

The article considers evidences from writings of the Europeans showing interest in North Asian region during the late Middle Ages and early New Time, which contain certain data on distinctions of traditional cultures with Turkic and Mongolian nomads on the territory of West and South Siberia. The Europeans were attracted into North Asia by prospects for development of fur trading and searching new trade routes into China and India. Their writings contain certain data on economic activities, material and spiritual culture, and military arts of Turkic and Mongolian peoples. Initially, data on Siberian ethnoses was collected by members of diplomatic missions from different European countries in Moscow. Later on, more reliable data was collected by the Europeans in the Russian service in North Asia. The most valuable information on cultures of Turkic and Mongolian peoples of Siberia was obtained by participants of the first scientific expedition in the early XVIII c. The data by the Europeans serve an important supplement to Russian written sources and ethnographic materials on cultural distinctions of nomadic ethnoses, populating northern regions of Central Asia.

West and South Siberia, Tartars, West Mongols, Russians, Europeans, data, distinctions of a traditional culture.